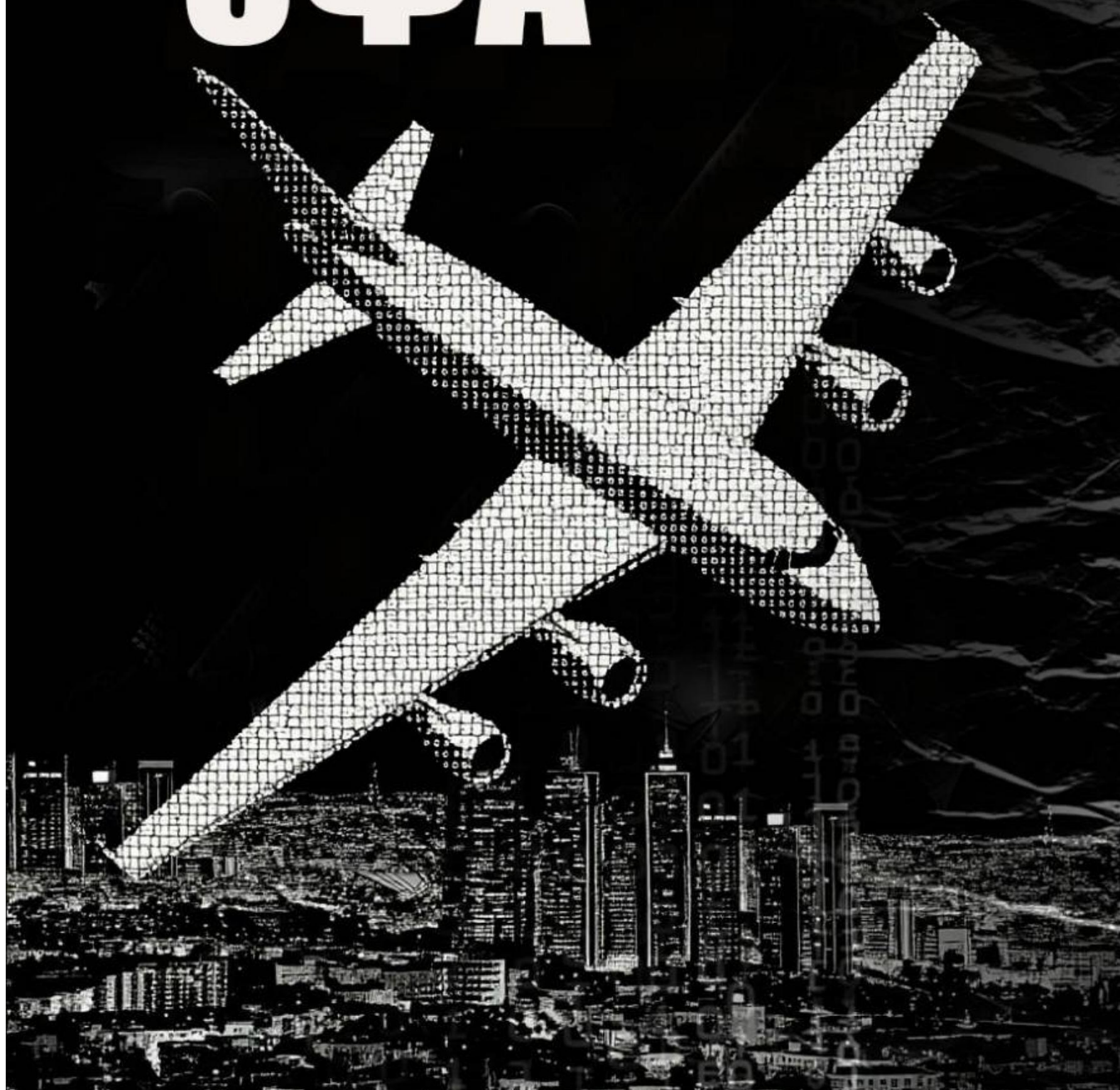

О. И. Райс

ЭФА

Ольга Райс

Эфа

«Автор»

2026

Райс О.

Эфа / О. Райс — «Автор», 2026

Сборник рассказов о вере, надежде, тихом человеческом подвиге и прощении.

© Райс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Эфа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ольга Райс

Эфа

1. Эфа

1.

Рой был сброшен с борта высотного аэростата-носителя на высоте двенадцати тысяч метров.

Воздух разрежен. Солнечный свет — резкий, беспощадный — бил по обшивке бликами. Дроны отделились от носителя и, экономя топливо, перешли в планирование. Каждый — автономный модуль, «хищная мошка» с микродвигателем и зарядом усиленной взрывчатки. Радары видели их как помехи — россыпь слабых засветок, неотличимых от перелётных птиц. Алгоритмы «Скифа» — новейшего комплекса ПВО — отсеивали такие сигналы.

Именно на это и был расчёт.

Затем, словно по команде, двигатели вышли на максимальную тягу, и за долю секунды дроны стянулись в боевой порядок. В тот момент, когда пассажирский лайнер входил в заданный квадрат, рой выстроился в атакующий веер.

Рейс 471 Тель-Авив — Москва шёл восточным обходным маршрутом. Воздушное пространство над зоной боевых действий было закрыто, и лайнер уходил длинной пологой дугой, огибая закрытые зоны. На борту — двести тридцать четыре пассажира и восемь членов экипажа.

В салоне горел приглушённый свет. Пахло разогретыми обедами. Стюардесса катила тележку по проходу: «Чай, кофе?» В глубине салона пожилая женщина в платке перебирала чётки. Мальчик семи лет, прижавшись лбом к иллюминатору, держал в руке пластмассовую модель самолёта — белый «Боинг» — и тихонько гудел, изображая двигатели. Мать сидела рядом. Два года больниц. Химия. Страх. Бессонные ночи. Всё закончилось. Ремиссия — устойчивая. Они возвращались домой.

За стеклом, в подсвеченных закатным солнцем облаках, мальчик заметил странные, быстро движущиеся тени. Они скользили наискосок, то пропадая, то появляясь вновь, и от них расходились едва заметные инверсионные следы. Он хотел сказать: «Мама, смотри, птицы...» — но не успел.

Фронтальная тройка вошла в левый двигатель. Три беззвучные вспышки слились в один рваный грохот. Лопатки компрессора разлетелись раскалённой шрапнелью, вышибая иллюминаторы. В пробоины хлынул керосин, пары мгновенно воспламенились — двигатель взорвался изнутри.

Лайнер клюнул носом. Свет погас.

Мальчика вырвало из кресла. Пластмассовый «Боинг» выпал из рук — и пропал в черноте. Второй двигатель взорвался через секунду. Фюзеляж разломился на три части. Закатное небо осветилось кроваво-красным. Обломки, кувыркаясь, понеслись к земле.

2.

Глеб Сабуров проснулся рывком, хватая ртом воздух. Подушка — мокрая от пота. Кровь стучала в висках. Перед глазами — картинка из сна: силуэт ребёнка у иллюминатора, вспышка, утопающий в черноте белый «Боинг». Лиц пассажиров он не видел, но знал — там были его сын и жена.

Глеб опустил босые ноги на холодный пол. За окном просыпался город. На тумбочке телефон — пропущенных вызовов нет.

Всё это было лишь сном.

Он попытался отогнать морок. Вчерашняя сводка: неопознанные малоразмерные сигнатуры над закрытыми зонами. Списано на помехи. Мозг, как хороший аналитик, сложил осколки данных в единую картину, от которой сознание отмахивалось.

Глеб встал. Впереди его ждал обычный рабочий день.

3.

Полгода назад Сабуров ещё верил, что мир можно описать уравнением.

Он сидел в кабинете, перед ним на мониторе — результаты симуляций «Скифа». Двенадцать миллионов сценариев, ноль ложных срабатываний, время реакции — менее полутора секунд. Машина видела лучше оператора, считала быстрее и никогда не ошибалась. Сабуров называл это «последней аксиомой защиты»: идеальный алгоритм, исключаящий человека из финального контура принятия решений. Ни страха, ни жалости, ни усталости. Чистая математика. И торжество человеческого разума.

В дверь без стука вошёл Лапин.

Выглядел так, словно не спал несколько суток: под глазами чернота, рубашка мятая. Когда-то дружили, вместе чертили первые схемы в студенческом общежитии, но теперь от той дружбы остался только профессиональный холод и раздражение.

— Проект «Семя», — Лапин бросил папку на стол. — Бионический рой дронов. Почитай, Глеб.

Сабуров открыл без интереса. Первая страница — эскиз винта. Вторая — симуляция атаки роя. Идея была элегантной. Пугающе элегантной.

— Ты предлагаешь вооружить этим армию? — спросил он, не поднимая глаз.

Лапин опёрся ладонями о край стола.

— Я предлагаю тебе понять, что твой «Скиф» — решето. Он заточен под крупные цели. Ракеты, бомбардировщики. Рой он просто не заметит. Фильтры отсекут его как помеху по массе. А когда рой соберётся у цели — будет поздно.

— Ты предлагаешь мне тратить бюджет на гипотетическую угрозу? На чертежи, которые даже не дошли до прототипа?

— Я показал первый опытный образец Грачу, — тихо сказал Лапин. — Он покрутил пальцем у виска и велел закрыть проект.

Сабуров захлопнул папку.

— Антон, я понимаю твою тревогу. Но нужны полноценные испытания. Ты предлагаешь ставить на уши всё КБ ради того, что даже твой начальник завернул?

— Я предлагаю тебе посмотреть на цифры, — голос Лапина стал жёстким. — Когда рой выйдет из маскировки в атакующий веер, время перестроения — восемь десятых секунды. Реакция «Скифа» — одна и три десятых. Вы проиграете до того, как заметите угрозу.

Сабуров молчал. В висках стучало: «А что, если...». Но следом, громче и жёстче, — «Нет. Бред». Если Лапин ошибается, он выставит себя дураком перед комиссией ради паранойи бывшего друга.

— Твоя разработка сырая. Я не могу рисковать всем комплексом. Давай вернёмся к этому через год.

— Через год будет поздно.

— Я сказал — вернёмся.

Лапин посмотрел на Сабурова долгим, тяжёлым взглядом. Потом вынул из нагрудного кармана карандаш со сменными грифелями — тот самый, которым они ещё в институте чертили первые схемы, — сломал пополам. Обломки упали на стол.

Лапин вышел из кабинета, не оборачиваясь. Сабуров смотрел на сломанный карандаш. Гордость не дала остановить друга.

Через неделю Лапин уволился. Связи оборвались. Сабуров вычеркнул его из контактов и с головой ушёл в «Скиф». Ещё через месяц комплекс вышел на боевое дежурство. Сабуров больше не вспоминал о роде Лапина. До тех пор, пока однажды не проснулся в холодном поту.

4.

СМС пришла в 10:23, когда он сидел в командном центре, проверяя логи ночного дежурства. Стояла глубокая осень. За окнами базы ветер гнал по степи жёлтую листву, небо висело низкое, серое. База располагалась в пятнадцати километрах от Воронежа.

«Ремиссия устойчивая. Скоро будем дома», — прочитал он сообщение жены.

К тексту прилагалось фото: Федя на фоне огромного окна аэропорта, в руке — белый «Боинг». Улыбается. За стеклом — рыжее небо Тель-Авива.

Сабуров замер. Игрушечный самолет в руке сына был точной копией того, что он видел падающим в черноту во сне прошлой ночью. Морок накатил с новой силой, сердце заныло. Он моргнул, отгоняя наваждение, и нервно убрал телефон в карман.

На главном экране командного центра горели зелёные метки гражданских бортов. Среди них — яркая точка рейса 471.

— Эльвира с Федькой летят, — бросил он Корнееву, старшему оператору.

Корнеев — ровесник Сабурова, но выглядел старше: на шее, чуть выше ворота, виднелся краешек татуировки — якоря, набитого ещё на флоте.

— Давно пора, — кивнул он. — Два года по больницам, мальчику надо домой.

Оператор РЛС, молодой лейтенант Гуцин, вскрикнул.

— Неопознанная цель в секторе семь. Сигнатура ни на что не похожа.

Сабуров подошёл к экрану. Метка приближалась. Не ракета — скорость мала. Что-то непонятное, смазанное, рассыпающееся на фильтрах в пшено.

— Это что за чёрт? — Корнеев подался к экрану. — Птицы?

Сабуров молчал. Рука сама потянулась к телефону. Перед глазами СМС жены: «Скоро будем дома». Страх накрыл ледяной волной. Он уже видел это. Видел — и отмахнулся.

— Множественные цели! — голос Гуцина сорвался. — Двенадцать субцелей... Выстраиваются в атакующий веер, курс на рейс 471!

Сабуров бросился к консоли. Пальцы ударили по клавишам. «Сейчас. Сейчас Скиф их увидит!» Он верил в свой алгоритм до последнего.

— Ручной захват! Отключай фильтры к чёртовой матери!

— Поздно, — выдохнул Гуцин. — Рейс 471... нет контакта.

Тишина в командном центре стала абсолютной.

Десять секунд. Пятнадцать. Двадцать.

Сабуров стоял у главного экрана, глядя в пустоту, где только что горела зелёная метка. Он знал. И ничего не сделал.

— Подтверждение, — выдавил Корнеев. — Крушение.

Сабуров молча покинул аппаратную.

В коридоре он прислонился спиной к холодной стене и закрыл глаза. Внутри что-то оборвалось. Вместо картин крушения он видел только одно: сломанный карандаш Лапина на столе.

Корнеев выбежал следом, схватил его за плечи.

— Глеб Викторович, держитесь. Слышите?! Держитесь.

— Отпусти, Серёж... — голос перешёл в хрип. — Я видел... знал... И снова ничего не сделал!

Корнеев молча прижал его к себе. Сабуров уткнулся лицом в его плечо и завыл. Корнеев стоял и держал его. Молча. Крепко.

Потом Сабуров выпрямился, вытер лицо рукавом, пошёл в уборную и долго умывался ледяной водой. Поднял глаза к зеркалу. Оттуда смотрел кто-то с красными глазами и седыми висками.

— Ты убил их, — сказал он отражению. — Не дроны. Ты. Полгода назад ты мог... И этого бы не случилось!

5.

Через день после похорон Сабуров сидел в пустом кабинете. В дверь постучали. Вошёл Корнеев и положил на стол конверт.

— Глеб Викторович, там в приёмной какой-то тип оставил. Сказал — от Феди.

Сабуров похолодел.

— От кого?

— Не знаю. Худой, в кожаной куртке. Сказал: передайте полковнику Сабурову, он поймёт. И ушёл.

Сабуров разорвал конверт. Внутри - сложенный в виде самолетика лист. Дрожащими руками он развернул его. Увидел блок-схему акустического фильтра. На одной стороне написано: «Частота биений. Мёртвая зона для радара — живая для микрофона».

— Кто передал? — переспросил Сабуров, сжимая самолётик.

— Я же сказал... Высокий. Очень бледный.

— Лапин, — выдохнул Сабуров. — Он был здесь.

Он убрал самолётик во внутренний карман.

— Сначала — доложить генералу.

Сабуров развернулся и пошёл к двери. Из груди поднимался страх. Будет новая атака. Скоро.

6.

Сабуров стоял перед советом. Два десятка генералов и гражданских экспертов внимательно смотрели на него. Проектор высвечивал на экране траектории падения обломков рейса 471. Сабуров говорил ровно, но с каждым словом голос становился глуше:

— Рой невидим для «Скифа». Не потому, что система плоха. Она совершенна — для чего создавалась. Мы учили радар видеть металл, излучаемое тепло. А рой Лапина — это тень. Он растворяется в фильтрах по массе, по скорости, по сечению. Он проходит сквозь нашу защиту, как песок сквозь пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.